

И от войны, наверно, можно убежать —
уйти от страха смерти босиком;
позволить женщинам на улицах рожать,
прикрыв им ноги расписным платком.

Сбежать возможно от войны и нищеты,
врагу оставить дом и тихий сад —
но как потом не вспоминать цветы
под окнами, что радовали взгляд?

Но как забыть про двор, уйдя пешком
туда, куда глаза сейчас глядят?
И на чужбине прятаться потом,
и слушать, как твой хлеб враги едят.

По телевизору, в руинах узнавать
родные земли — призраки дорог,
что все-таки позволили бежать,
себя подставив сотням тысяч ног.

Да, от войны, наверно, можно убежать,
Пройдя планету натошак и босиком...
Но кто же Родину нам будет возвращать,
Кто кроме нас вернет нам отчий дом?

Я о России не пишу,
не потому что не умею...
Я за Россию подышу,
пока страда её белеет;
пока врастаю меж берёз
в лесах февральскою прохладой;
пока ещё мне дома рады:
мой злобный кот и добрый пёс;

пока белеет под ногой
всё то, что называют снегом —
священных коз святой удой,
отгруженный нам прямо с неба:
с белёсо-серых облаков
прямо под подошвы сапогов,
на замороженный забор,
на двор — как мир, на мир — как двор.

Я о России не пишу
не потому что не выходит —
а от того, что где-то ходят
те, за кого я здесь дышу —
все те, кто так или иначе,
порой смеются или плачут
над нашей тройкой удалой,
где: я и кот, и пёс хромой.

Я о России не пишу
не потому что не хочу...
Я за Россию закричу.
Вот закричу и помолчу, но не пишу.
Но не пишу, и всё всерьёз.
Я здесь иду среди берёз,
плетётся кот, хромает пёс,
и нас не трогает мороз.

КОЛДУНЯ

Мимо масленичной сбруи —
Баб, блинов и талых брызг —
Слышу: как весна колдует,
За зимой напившись вдрызг.

Вижу: как она танцует
На склонах всех поклонных гор;
Пьяненькая снег целует,
Завалившись под забор;

С воробьями в первых лужах
Чистит перья во крылах
И в весенне-зябких стужах
Жжет Марену на кострах;

И на праздничных смотринах
Водит девок хоровод;
И у винных магазинов
Поит водкою народ;

Заплетает колокольцы
В гривы сватовских коней;
И в сугроб, теряя кольца,
Вылетает из саней;

Бьёт в шаманский бубен, лихо,
Одев свой колдовской наряд;
И лезет — бойкая шутиха —
С хмельным лицом в калашный ряд.

И мимо масленичной сбруи,
Сквозь шум толпы и смеха брызг,
Я слышу: как она колдует,
До срока накидавшись вдрызг!

* * *

Меня ветер буйный нес
Средь заколдованных берез,
Клобучо́к** сорвавши с глаз.
Он меня от смерти спас:

Вновь поставил на крыло.
Ведь я уж не летал давно,
А он провыл: терпи, лети!
И вот теперь нам по пути.

Меня ветер буйный нес
Из поселка на покос;
Из пролеска, где река;
Вдоль двора и чердака;

Вдоль тропинки и ручья —
Туда, где де́вица ничья
Живет и ждет, любовь храня,
Прося у ветра за меня.

2019

** от клобу́к — колпак, надеваемый на голову ловчим птицам.